

Даже и не помню, о чём думал в ту ночь, возвращаясь после “пост-новогодней” смены в магазине домой. Наверное, о том, что по иронии судьбы я был единственным человеком в салоне, хмурым просто по факту, а не из-за похмелья, и что так мне было даже проще влиться в ручеек людей, которые по какой-либо причине вышли на улицу. Так бы и шёл спокойно до десятиэтажки, стоящей одиноко посреди заснеженного поля, если бы не странный звук, нарушивший тишину. Детский плач. Оторвав взгляд от тропы под ногами, я увидел чернеющую в низине на снегу прогалину, почти на другом конце поля, но видимую даже от дома. Любопытство, расколовшее оковы тупой сонливости, понесло меня мимо подъезда, прямо в никем не хоженный снег. Спустя несколько минут ковыляния по сплошным сугробам, прислушиваясь к редким тонким вскрикам, я встал на оттаявшую по периметру кратера землю. В нескольких метрах от меня, завершая длинную борозду, возвышался остывший метеорит, похожий на круглый кусок пемзы, а в самом его центре, наполовину высунувшись из щербатого камня, торчала... детская мордашка. Но какой у детей не бывает: серокожая, с угольно-черными, блестящими, словно антрацит, волосами, глазами без зрачков... и парой аккуратных витых рожек за висками.

Чувство ирреальности происходящего ввело меня в ступор. В прострации, я глядел перед собой, ожидая, что сейчас проснусь, ведь не может такое происходить наяву... Ведь не может такого случиться, не со мной, не сейчас, не здесь...

А затем, разорвав тишину, пришелица заревела в полный голос. Совсем как обычный ребенок, которого бросили в чистом поле, одну, на мороз. Спohватившись, я оторвал успевшие примерзнуть к земле туфли и поспешил к метеориту. Заметив заслонившую лунный свет тень, малютка вжалась вглубь метеорита и зашипела, словно кошка. Я медленно протянул ей левую руку, пытаюсь потрогать, успокоить, но та поняла жест по своему: кошачьим же рывком она вцепилась мелкими, но очень острыми зубками в пальцы. Оставалось только стиснуть собственный зубы и вдохнуть поглубже, чтобы не отдернуть руку и не испугать кусаку ещё больше. Она не пыталась прожевать пальцы, но и отпускать не думала. Так мы простояли ещё одну минуту, и я решил всё же потянуть руку на себя. Ошибка. Маленькие челюсти сомкнулись еще сильнее, проколов кожу, и я почувствовал, как по ней течет кровь. И в ту же секунду зубастый капканчик ослабил хватку. Личинка заворуженно смотрела на темно-красные, в тусклом свете луны, капли. А затем началализывать ранку, мелко дрожа и заглядывая мне в лицо.

Свободной рукой я снял с переносицы дымчатые прямоугольные очки и встретил взгляд маленького тролля. Не знаю, что пришелица увидела в них, но ее личико расслабилось, и она позволила вытащить себя из уже остывшего небесного камня. Сунув тяжелую, упругую ношу о шести когтистых лапках, под куртку, я отправился домой, по пути обдумывая факт, что я только что встретил гостью из иного мира.

Я умудрился пронести “гусеничку” через турникет в подъезде, не вызвав подозрения карги-консьержки за стойкой. Как и мои коллеги по работе, бабка выглядела так, что мимо неё можно было и на руках пройти, ничего не заметит. Дальше предстоял

подъем с мирно сопящей за пазухой ношей на десятый этаж, без лифта. До сих пор не понимаю инженерного гения, оборудовавшего в доме проходную, словно на режимное предприятие, но не выкроившего пространство под лифт. С путающимися мыслями я поднялся на площадку пятого этажа и приоткрыл куртку, чтобы посмотреть на свое внеземное “чудо”. “Чудо” вцепилось всеми лапками в свитер и, сонно моргая, глядело на меня. Удостоверившись, что личинка согрелась и легонько погладив рукой черные волосы, я снова застегнул куртку и продолжил подъем. На десятом этаже, прислонившись лбом к железу двери и отдышавшись, я достал из кармана ключ, сделал два оборота в замке и оказался внутри. Щелчок выключателя. Слепящий, не прикрытый плафоном свет изгнал мрак прихожей.

Дом.

Я жил в тесной квартире, на самом верху торчащей посреди огромного пустыря десятиэтажки. Похоже, планам застроить его целиком так никогда и не суждено было стать явью. Двухкомнатная квартира с залом, кухней, совмещенным санузлом, но при этом площади было едва ли на “однушку”. Впрочем, много ли надо человеку, живущему последние два года в одиночестве, даже без питомца? Я обитал в зале, где стоял диван-кровать, шкаф, стол с компьютером и креслом, оставив остальные комнаты в запустении. Поначалу хотел сделать из одной комнаты кабинет, а другую обставить под спальню, но вскоре понял, что обхожусь и без этого. Как и без мечты выходить перед работой на балкон, чтобы смотреть на рассвет.

Проморгавшись, я снял с себя куртку, а “подкидыша” аккуратно положил на трюмо, прямо в собственном свитере, так как не решился расцеплять коготки. Скинув туфли, прошелся по всем комнатам, зажигая свет и думая, что же делать дальше: как растить ребенка, да еще и инопланетного? Что ей нужно, как она будет себя вести? Сколько времени она будет личинкой? Она? Почему сразу “она”...

БУМ. Из прихожей.

Спешно иду назад. На полу, рядом с обувью, извивается свитер, пронзенный шестью острыми лапками, комично перебирающими в воздухе. Подобрал копошащийся сверток, я присел с ним на диван и аккуратно распутал. Из горловины показалась рогатая мордочка, прикрывающая глаза от яркого света и недовольно скрипящая. Оставив ребенка в покое на диване, я перебрался в соседнюю комнату, чтобы переодеться в домашнее и привести мысли в порядок. Несмотря на поздний час, от волнения у меня разыгрался аппетит, и мысли естественным образом перетекли в гастрономическое русло; к тому же, было бы неплохо заодно накормить и пришлицу. Но беглая инспекция холодильника ввергла меня в уныние: ничего, подходящего для ребенка, а тем более для такого маленького, на первый взгляд, не нашлось... “Может, стоит дать ей попробовать немного всего сырым?”, размышлял я, выкладывая продукты прямо на пол. В конце-концов, решив, что хоть что-то гостье может прийтись по вкусу, я собрался идти в зал, вытаскивать ползучку из свитера.

Не пришлось. Она, не теряя времени, наполовину закутанная в растянутый свитер, сама тихонечко пробралась на кухню и уже минуту катала по полу картофелину, пока я

был поглощен раздумьями. Дегустацию было решено начать с хлеба, который она принялась вдумчиво жевать. Затем пришла очередь сосисок, и я снова чуть не попрощался с пальцами — настолько свирепо малышка впилась в гомогенизированную курятину: очевидно, что на мясо в будущем придётся поиздержаться. Огурец тоже был принят благосклонно, похоже, ей понравился хруст и сочная зеленая мякоть. Расслабившись, я подал ей лимон... чтобы спустя пару мгновений, чертыхаясь про себя, вытирать с личика шипящей личинки брызнувший во все стороны кислый сок. Успокоившись, она снова принялась изучать еду, но на лимон, покусанный с одного бока, теперь поглядывала с недоверием. Дав ей ещё одну сосиску и глядя, как она не спеша расправляется с нею, сев на собственный хвост и прислонившись к стене, я решил приготовить яичницу из всего, что сумел найти в предрассветный час. Вскоре по всей квартире раздался сытный аромат, а шестилапая непоседа суетилась у моих ног в предвкушении, иногда бодая в голень.

Давненько не делал такой огромной яишни.

Я наслаждался зажаренными сосисками с луком, чесноком и картофелем, впервые за долгое время, а сидящая рядом инопланетная прожора — впервые в жизни.

Наступила глубокая ночь, а я всё не мог оторвать от неё взгляда. Пухленькое, темно-бордовое сегментчатое тельце, на шести черных лапках с цепкими коготками, венчало довольно милое детское личико. Волосы, свешивающиеся на лицо, я решил аккуратно заправить за небольшие, прижатые к голове рожки, в две пряди. Объевшаяся гостья даже не почувствовала прикосновений к брюшку, лишь прижала лапки, обхватив ладонь. Она свободно помещалась на коленях и весила навскидку пять килограмм, даже после плотного ужина. Увы, теперь, когда гусеничка спала, некому было развеять гнетущую тишину моей халупы, и мрачные мысли стали раздаваться в голове, как бы я их не гнал:

Ты и о себе не можешь позаботиться, а тут решил завести ребенка? Не кот, не девушку, а ребенка, да еще и пришельца. Она ведь запросто может здесь не выжить. А когда вырастет, как ты будешь скрывать ее инакость? Думаешь, другие люди примут ее? Или она до конца жизни будет сидеть тут, как в клетке? Ты ее не удержишь. А сможешь ли обеспечить? А воспитать ее? Ведь можно было подкинуть ее в больницу, там бы ею обязательно занялись. Ты был не обязан... К тому же, она — игрок. И через десять-двенадцать лет планета умоется огнем с небес. И в то же время, она — твой билет отсюда. Твой шанс сбежать. Возрасти ее, обяжи долгом, воспитай в покорности, и ты будешь жить. Даже больше: тебе будет верно служить одна из расы покорителей, безусловно веря в тебя и подчиняясь. Было разумно подобрать ее. Теперь, воспитай из нее...

Человека. Я сделаю из нее того, кем не смог в полной мере стать сам. Настоящего человека. Если все это в самом деле так, если жить мне, как и прочему человечеству, осталось существовать от силы лишь полтора десятилетия, а этой рогатой малышке суждено вырасти и стать творцом нового мира, я хотел

бы оказать ему услугу. Воспитать его будущего творца разумным и смелым, способным сопереживать и судить.

Под эти мысли я и встретил рассвет, держа руку на мягком теплом животе нашедшего своего опекуна маленького тролля. Словно давая обет самому себе.

Следующий месяц прошел в суете и сумбуре. Был взят двухнедельный отпуск за свой счет, закуплены нормальные, полезные для роста молодого зергушонка, продукты, наведена полная уборка в квартире. Пришлось учиться готовить хотя бы самые простые, но разнообразные блюда, с которыми я уже давно не заморачивался — спагетти, пюре, разнообразные бульоны и супы, даже просто перетертый с сыром чеснок, которым я сдабривал хлеб за обедом: все это было опробовано личинкой и признано весьма вкусным. И все же, мясо явно осталось ее любимым лакомством. Глядя, как с ворчанием и треском в небольшом детском рту исчезают куски отварной свинины вместе с хрящами и костями, а также скатанный в шарики мед с хлебом, я раздумывал, как же мне наладить общение с подопечной.

Конечно, она показала себя далеко не глупой и вечно пыталась подражать мне во всем, вплоть до того что завела привычку умыться вместе со мной, вплоть до того, что даже норовила залезть за компанию в ванну, и пыталась заниматься звукоподражанием. Но ей была нужна постоянная человеческая речь, а я, проводя досуг без собеседников, давно уже бы заостенел языком, если бы не работа. Даже никаких игрушек или занятных предметов в квартире не нашлось, и каждый раз, когда ползучка с дробным цокотом прибежала встречать меня после похода по магазинам, я догадывался, что она попросту места себе не будет находить, когда кончится отпуск и я стану пропадать из дома надолго. Девять часов на работу, девять на сон, а на нее, непоседу, всего шесть? К тому же, со временем стало ясно, что она закоренелая “сова” и обожает затеять какую-нибудь возню в три часа ночи. Впрочем, я сам в то время спать не мог, так как тело и разум без постоянной нагрузки от работы вышли из тонуса. Решение нашлось простое: глубокой ночью, в свете простого ночника, закутавшись в одеяло, я читал своей рогатке сказки и фантастику с планшета. Когда-то давно, ознакомившись со статьей о том, что с маленькими детьми вредно говорить, коверкая слова, я старался не только для нее, но и сам помаленьку учился говорить без ненужных пауз и с верными интонациями, изображая персонажей. Даже не знаю, понимала ли она смысл сказанного, или ее просто убаюкивал мой скрипучий бас, но, устроившись поудобнее под боком или на моем животе, детеныш с упоением слушал истории былых времен и фантазии, отчасти ставшие правдой. Тогда же я и назвал ее Лангри, в честь одного из персонажей Киплинга. Мне уже надоело обращаться к ней без имени, но и она сама не откликалась ни на одно из предложенных. А вот прозвище тигра-людоеда, данное ему матерью в детстве, ее заинтересовало. Может, просто сочетание звуков пришлось по нраву? Или была иная причина? Так или иначе, певучее, необычное имя приглянулось ей почти сразу же.

Когда отпуск кончился, я попросился на вечернюю смену, чтобы всю ночь проводить со своим зергушонком и смотреть, как она растет. Проблема же со скукой в дневное время была решена топорно, но, как выяснилось, эффективно: я оставлял на включенном компьютере плейлист из спокойной музыки самых разнообразных направлений вперемешку с аудиокнигами, также самых разнообразных жанров. Теперь Лангри могла спокойно дремать весь день, не сходя с ума от тишины и слушать речь, помаленьку привыкая к ней и занимаясь пассивным саморазвитием.

Дальше я попросту потерял счет времени. Сутки раскололись надвое: на серые, рабочие часы, когда я с фальшивым сочувствием в глазах выслушивал пожелания клиентов и пытался продать им хоть что-то, что и сам бы счел тратой денег на ветер; и на яркие, хоть и ночные, посиделки при свете лампы (я наконец купил нормальные плафоны и ночник, чтобы не пугать Лангри слишком ярким светом), с инопланетным, но родным ребенком, копошащимся с веселым писком в огромной коробке, полной измельченного пенопласта (который она все же однажды попробовала на зубок). Когда я убедился, что она окрепла, то стал пускать ее на балкон, где, несмотря на крепкий мороз, она обожала проводить время, глядя на расстилающееся поле, кромку лесопарка и небо с колючими точками звезд. Увы, но таскать ее мимо карги-консьержки было слишком рискованно, и Лангри, по иронии судьбы, застряла у меня дома. Впрочем, пока она не выказывала по этому поводу никаких сожалений.

На третий месяц пребывания в моей берлоге, выяснился радостный и тревожный одновременно факт: моя ползучка оказалась псиоником. Однажды, проснувшись под утро от жажды, я застал весьма сюрреалистичное зрелище: неторопливо плывущая по комнате коробка на пару с подушкой, стакан с наполовину вылившимся, но повисшей огромной каплей, чаем, и моя шестиножка, в метре над полом посреди зала, окруженная пенопластовой метелью. Не осознав, что это явь, я засмеялся... и получил в лицо левитирующей неподалеку подушкой. Когда я стянул ее лица, облик комнаты стал еще забавнее: все стены были залеплены пенопластовым зерном. Осознав, наконец, что произошло, я стал искать Лангри, чтобы убедиться в ее благополучии. Казалось бы, куда она могла спрятаться в квартире, где вся мебель находится в одной комнате? И все же, поиски затягивались настолько, что я начинал нервничать. Спустя двадцать минут рысканья по комнате, я в смятении рухнул на диван, пытаясь вспомнить, куда еще моя гусеничка могла спрятаться. И уперся взглядом в ее бордовые глазки, смотрящие на меня сверху. Она все это время провисела у меня над головой, распластавшись на потолке и глядя, как я мечусь по комнатам. Похоже, она испугалась не столько своих новых, внезапно открывшихся, сил, сколько моего хриплого, сухого смеха, и теперь не понимала, как ей спуститься. Чтобы снять ее с потолка, пришлось импровизировать: сложить подушку в опустевшую коробку, встать с ней на диван, поднять над головой и спокойным, мерным тоном уговаривать Лангри довериться. Вид "гнездышка" ее успокоил, и через минуту

увесистая тушка упала прямым в него. Об инциденте осталась лишь память в виде шести аккуратных дырочек на декоративной потолочной панели.

Наступил апрель. Лангри вовсю развлекалась с приобретенными силами, ползая по стенам и потолку квартиры. Учитывая бордовое тело гусенички с детской головой и закрытым длинными черными волосами лицом, зрелище было немного жутковатым, если бы не веселый лепет, сопровождающий прогулку. Особенно она полюбила “мягкую посадку” с потолка в коробку с пенопластом или на диван, даже если на нем в этот момент отдыхал я. Понимая, что скоро ей это наскучит, я лихорадочно придумывал, чем бы занять ее, заодно помогая освоить новые навыки. Что-то творческое, но несложное, для детей. Конструктор? Нет, рано ей, да и не любила она все жесткое, негнущееся; уже попробовала однажды поиграть с алюминиевой ложкой, не нашла ее интересной и завязала телекинезом в аккуратный узелок. Может, пластилин? Тоже рискованно, она все любит тащить в рот, и если его не распробует, то откажется к нему подходить, как это уже случилось со злополучным лимоном. Но идея с лепкой была заманчива... тесто! Из него и лепить можно что угодно, и вкусовые качества у такого материала весьма приятные.

В тот же день я принес домой пару десятков яиц (Лангри очень полюбила яичницу), дрожжи и пакет муки, в которой моя ползучка тут же умудрилась перепачкаться и начала чихать. Умыв ее, я приступил к готовке. Измазавшись не хуже подопечной и поставив тесто подниматься, я вышел в зал и увидел довольно занятное зрелище: Лангри сидела на подушке посреди зала и левитировала пенопласт из коробки. Белые зерна, которые я месяц назад собирал по всей комнате, словно текли в невидимом потоке, одно за другим, вырисовывая в воздухе спирали, петли, узлы. Я тихонько присел на диван, чтобы не отвлекать ребенка от занятия, и, взглядываясь в сложный узор, висящий над полом, задремал. Проснулся спустя несколько часов, с Лангри на коленях, уставшей от практики. Аккуратно переложив спящую малышку на диван, зашел на кухню и убедился, что тесто поднялось и годилось для лепки. Закончив с приготовлением яичницы, я вернулся в зал, где меня поджидала уже вполне бодрая воспитанница. В последнее время она проявляла довольно большой аппетит, видимо, телекинез выматывал сильнее обычной возни. Покончив с ужином, я дал ей кусочек теста, который незамедлительно отправился в зубастый рот. Немного недоумевая, Лангри пережевала вязкий шарик, и, улыбнувшись, протянула передние лапки со словом “Еще!”. Со следующим приключилось то же самое, но уже из третьего я заранее вылепил простенькую фигурку человечка, и когда прожора потянулась за добавкой, дал его в лапки. Некоторое время она смотрела на фигурку и меня темно-красными глазами, после чего я достал четвертый комочек теста и при ней вылепил точно такую же фигурку, неспешно и наглядно, а закончив, достал уже пятый кусочек теста и предложил Лангри.

Та, взяв его в лапки, начала аккуратно мять тесто, пробуя вылепить нечто похожее. Уже спустя пару минут у нее получилось что-то отдаленно похожее на снеговика, но этот результат был явно не тем, что она хотела достичь. Положив недоделку рядом с

двумя другими фигурками, она стала внимательно вглядываться в них, аккуратно вращая их лапками, затем, нахмутив лоб, всмотрелась в своего снеговика из теста... и тот начал менять форму, вытягиваться, обретая руки и ноги. Тесто вело себя словно мед, плавно перетекая в форму, которую желала ему придать Лангри. И спустя минуту она с улыбкой на лице показывала мне точно такого же человечка, которых слепил я. Даже в чем-то лучше: без вмятин от пальцев, неровностей и более пропорциональный. Ласково погладив воспитанницу по голове, заодно заправив выбившиеся пряди волос за рожки, я смял своих человечков и скатал два кусочка теста в один большой. С возбуждением приняв такую большую заготовку, Лангри буквально за двадцать секунд слепила точно такого же человечка, а затем, немного поколебавшись, скатала его телекинезом в шар вместе со своей первой поделкой и уже вдвое быстрее сделала сдобного колосса ростом с нее саму.

Весь вечер она развлекалась, бегая с тестом в лапках по всему дому и придавая комку разнообразные формы, с каждым разом справляясь все быстрее. Понимая, что долго такой темп тесто не выдержит, да и само по себе не так хорошо годится для творчества, я позвал Лангри по имени и показал ей подарок: наборы пластилина, цветного и монохромного. Дав ей понюхать новинку, а также, недоглядев, пожевать, я показал, что из него фигурки получаются даже лучше, и Лангри тут же принялась возиться с подарком, прерываясь лишь чтобы отщипнуть от комка теста кусочек подкрепиться. Мне оставалось только сидеть на диване и с чувством глубокого удовлетворения наблюдать, как малышка носится по комнатам, иногда останавливаясь возле меня, чтобы показать очередную пластилиновую поделку.

Уже умываясь перед сном, я услышал из прихожей возбужденное “Пап, паааап!” и, наскоро вытеревшись, вышел поглядеть. Лангри стояла на тумбочке перед зеркалом, а рядом с ней... ее маленькая копия из пластилина, в любимой позе: на брюшке, с раскинутыми в стороны лапками. Она вылепила саму себя до мельчайших подробностей, и, наверное, даже могла бы выполнить в масштабе, если бы на это хватило бордового пластилина. Егоза указывала на свою поделку лапкой и явно хотела о чем-то попросить, но не знала нужного слова. Но догадаться было несложно: такую красивую работу я и сам бы пожелал сохранить. Посадив потяжелевшую после ужина Лангри на свое плечо, я сходил на кухню и взял большой пластиковый контейнер из-под еды. Вернувшись в прихожую, поставил его рядом со скульптурой, и Лангри тут же переместила ее внутрь. Защелкнув крышку, я отнес прозрачную коробку на кухню и поставил в холодильник. Малышка на плече ласково потерлась о мою щеку, а из холодильника глядела на меня глазами-пуговичками ее миниатюрная копия, которую мы оба решили оставить как память об этом вечере.

Наступило лето. Лангри изо дня в день становилась все прожорливее и сонливее, в один присест съедая порции, которые пару месяцев назад предпочитала растягивать на целый день. Поначалу я грешил на усердные занятия псионикой, требовавшие дополнительных затрат сил, но вскоре заметил, что моя ползучка начала ощутимо прибавлять в массе и размерах. Из проворной непоседы весом под 6-7 килограмм она

отъелась до размеров крупной собаки, и проявляла недовольство при попытках подвинуть ее с насиженного места, из-за чего мне однажды пришлось спать на полу. Увы, интернет-литература, посвященная троллям, смутно описывала подобное поведение, но несложно было догадаться, что Лангри готовилась оуклиться, чтобы пройти метаморфозу, для чего и начала откармливаться. Я старался ни в чем ей не отказывать, но при этом с беспокойством отмечал, что килограммовые куски отварной говядины и свинины, а также десятки яиц, вместе с пакетами овощей и фруктов, пробили ощутимую брешь в моем бюджете. Из денег, оставшихся после переезда, осталась едва ли треть, и тревожные мысли снова начали донимать меня перед сном. И все же, каждый раз приходя домой и расчесывая блестящие угольно-черные волосы Лангри, слушая, как она мурлыкает под нос один из услышанных музыкальных мотивов, я испытывал незнакомое доселе удовольствие заботы о ком-то еще, кроме себе самом. Даже если на то, чтобы сделать мою кроху счастливой, уйдут все сбережения, я был уверен, что это действительно того стоит.

Придя очередной раз с работы, я внезапно осознал, что в квартире стоит мертвая тишина. С беспокойной душой я шагнул в зал, даже не разувшись, зовя воспитанницу по имени, но никто не отзывался. Внезапно я расслышал слабый звук, раздающийся из пустующей комнаты по соседству с залом. Пройдя в нее, я увидел странное зрелище: темно-бордовый кожистый кокон примерно метр высотой и такой же в обхвате, опутанный сетью прожилков, мерно пульсирующий, словно сердце. Похоже, что это и была Лангри... Кое-как успокоившись, я переоделся в домашнюю одежду, принес в комнату с куколкой стул и, глядя на равномерно пульсирующую поверхность, принялся думать: нужно ли Лангри сейчас еще что-нибудь, кроме покоя и тепла? Как долго продлится метаморфоза? Какой она будет, когда выкрутится? Понадобится ли ей помощь? А как она себя будет вести? Если что-то пойдет не так? Она может заболеть?

Вопросы, вопросы...

Так, надо взять себя в руки. Тролли — выносливая раса завоевателей, молодняк которой остается на попечении полумозговых лусусов почти до самого взросления. Если даже какой-нибудь безрукий монстр способен вырастить вверенную ему личинку, то и я давно смогу!

Решив просто оставить ее в покое и наведываться, осматривая кокон на наличие изменений, я принялся за бытовую рутину, слушая во внезапно опустевшей без присутствия моей гусенички квартире биение собственного сердца. Чуть более частое, чем обычно, волнительное, как и случившаяся сегодня метаморфоза.

Так прошла еще одна неделя. Я не мог ни есть, ни спать, ни работать спокойно, все мои мысли были только о пульсирующей в моей квартире куколке инопланетного ребенка, который мог появиться на свет в любой момент. Я даже передвинул диван в комнату с коконом, и лишь под его мерное биение мог спать спокойно, чтобы утром, с камнем на душе, покидать квартиру. Я заметно осунулся, перестал бриться, из-за чего получил замечание на работе; снова начал питаться чем попало, потому что не мог

подолгу находиться дома вне заветной комнаты. Ожидание тянулось, и ощущение беспомощности, отсутствия возможности хоть как-то повлиять на события, давило на меня все сильнее и сильнее. Лежащие в “аптечке” антидепрессанты, конечно, помогли бы снять напряжение, но окончательно стерли и так зыбкую грань между сном и явью, которая после полугода ухода за настоящей личинкой тролля стала тоньше лезвия. И одной теплой летней ночью я проснулся от острой боли в левой руке. Не проснувшись до конца, я попытался перевернуться на другой бок, видимо, решив, что отлежал руку, но добился только того, что чьи-то острые, словно галька, зубы прокололи кожу, и я почувствовал, что по запястью текут липкие капли крови. Находясь в полном смятении, я продрал глаза, и встретился взглядом с желтоглазой, серокожей мордашкой, украшенной прямым, узким носом, парой аккуратных, закручивающихся назад и вверх, рожек за висками, а также белыми, как мел, зубками, впившимися в мою руку. Минуту мы смотрели друг на друга, а затем Лангри медленно разжала зубы, и, глядя прямо в глаза, произнесла шепотом:

- Я просто не знала, как тебя еще разбудить, папа. Тебе не больно?

Несколько капелек крови стекало по ее черным губам, пока она выговаривала эту фразу проникновенным, мягким шепотом. А я даже не мог пошевелиться, боясь спугнуть приятное наваждение, которое нарисовал мой воспаленный неврозом ум.

- Папа? Папа, что с тобой? - прошептала она, прикладывая свою ладонь к моей колючей щеке. Теплую, с тонкими длинными пальцами. Настоящую.

- Со мной? - ответил тоже шепотом я. - Со мной ты, Лангри, родная.

Наконец-то проснувшись, я медленно присел на диване и наконец-то осмотрел свою подопечную. На вид она была совсем как обычный шести-семилетний ребенок: худенькая, чуть выше метра ростом, со средних размеров головкой на хрупкой шее... и вся покрытая бордовыми потеками слизи из кокона. Даже волосы слиплись в несколько неказистых сосулек, которые моя девочка рассеянно пыталась распутать пальцами, дергая спутавшиеся пряди.

- Похоже, придется тебя как следует отмыть и расчесать, - сказал я, снимая с ее острого плеча кусочек кокона, - заодно и согреешься, а пока будешь обсыхать, приготовлю что-нибудь поесть. Ты, наверное, соскучилась по нормальной еде?

- Еще как, - ответила мне Лангри с улыбкой.

- Ну, тогда пойдем в ванную, заодно и посмотришь в зеркало, какой ты выкрутилась. Смелее, не бойся наследить, мне ведь все равно придется убирать бардак в комнате.

Шлепая по линолеуму босыми ногами, она отправилась со мной в ванную. Включив свет и выставив нужную температуру воды, я помог ребенку перелезть через высокий бортик и принялся воевать расческой со слипшимися волосами. Девчонка жмурилась от удовольствия, от шума теплой воды, от новых ощущений, пока я аккуратно, стараясь не задевать рожки, выпутывал из ее волос обрывки оболочки и густки слизи. Наконец, смыв шампунь дважды, я убедился, что среди прядей больше не осталось ничего лишнего, а странный блеск черных волос, похоже, естественен. Мельком глянув в настенное зеркало, я подметил, что мы смотримся весьма контрастно: небритый мужчина с помятым после сна лицом и такой же футболке, лейкой душа в руке, моет голову голенькой серокожей рогатой бестии, которая блаженно улыбается, зажмурив глаза. Пока я возился, потоки воды уже успели смыть все остальные пятна, и мне оставалось только обтереть Лангри насухо, и завернув в полотенце, вынуть из ванной.

- Паап, а ты ничего не забыл?
- Мм?
- Я же тебя покусала, вроде бы...

И тотчас же, будто поджидая момент, левую руку пронзила саднящая боль. Кровь уже была смыта душем, и при свете лампы я разглядел строчку мелких аккуратных проколов на своей коже. Лангри стояла рядом, потупив взгляд.

- Не так уж все и страшно. Сейчас перевяжу и все само зарастет.
- А как это? - спросила она с живым любопытством.
- Что же, вот, смотри. Сначала нужно промыть ранку, что я уже сделал, пока возился с твоими волосами, - Лангри при этих словах легонько улыбнулась, - а теперь надо обработать ее лекарством и закрыть чистой повязкой. Смотри...

Спустя пару минут мы вышли из ванной в зал, где моя рогатка начала осматривать комнату заново, а я стоял у стены и пытался понять, что же меня беспокоит. И лишь когда с Лангри соскользнуло неплотно обмотанное полотенце, я наконец догадался: она же голая, и у меня в гардеробе нет ничего для нее.

Содержимое платяного шкафа только подтвердило мои опасения: одни брюки, штаны, футболки и рубашки. Даже ни одной сорочки нет. Хотя...

- Лангри, подойди на минутку, будем примерять тебе что-нибудь домашнее. Не бегать же тебе целый день в полотенце, а без одежды будешь мерзнуть.
- Иду, пап! - прозвучал ответ из соседней комнаты. Вскоре она подскочила ко мне, как есть, в чем выкрутилась
- Вот, примерь-ка. Смотри, сначала продеваешь сюда руки, вот, молодец, а сюда голову... сейчас поправлю, рога зацепились. Ну вот, что скажешь, удобнее?
- И теплее, - сказала она, пальцами отворачивая нижний край достающей до колен футболки, - только болтается немного.
- Я обязательно куплю тебе что-нибудь подходящее, просто нужно потерпеть. Ты ведь потерпишь денек-другой, верно?
- Да. А есть мы будем сегодня или тоже потерпеть нужно?
- Ох. Я и забыл... я ведь яичницу обещал, да?
- Нет, но теперь хочется именно ее!

Спустя некоторое время и один передвинутый на место диван, мы сидели в зале точно так же, как и полгода назад: за сковородой с огромной нажористой яишной, которую мы уплетали вдвоем. Снова, но вновь.

Осознание того, что я был абсолютно не готов растить ребенка, пришло той же куцей ночью, когда объевшуюся с непривычки Лангри сморило прямо за столом, и я обустроил ей постель на диване. Засыпая на полу, на ворохе старой одежды и запасных простыней, я составлял список нужных растущему организму предметов и вещей, и с каждым новым пунктом в голове рождались тревожные мысли: гардероб, причем женский, да еще и на маленькую девочку, и пойдет его выбирать небритый мужик со взглядом невыспавшегося манула; средства личной гигиены, в ту же степь; продукты, придется заново узнавать ее вкусы, вряд ли Лангри теперь согласилась бы есть вареное мясо с костями и хрящами; ей нужна своя комната, мебель, декор, сколько же это будет стоить; она еще и псионик, ей нужно тренироваться, наверное,

учиться... ей еще и учиться нужно, рассказать об окружающем мире, о людях... школа, как же она с другими...

Звонкий крик девочки и раскатистый рык из ванной комнаты заставили меня мгновенно протрезветь ото сна. С запутавшимся на одной ноге покрывалом я вбежал в заполненную паром комнатку и Лангри тут же стиснула меня тонкими руками, прижимаясь со всех сил. Над ванной, через всю ее длину, хлестала струя кипятка, разбрызгивая обжигающие капли повсюду, под аккомпанемент сорванного крана. Через пару секунд она увяла, а я, сняв руку с вентиля на стояке, приобнял дрожащую от пережитого страха девочку:

- Тише, тише, не бойся, Лангри... я здесь... не ошпарилась?..
- Я п-просто ум-мыться хотеееееела, - всхлип, - ааа оно к-как зарычало!
- Все закончилось, дочка, позади, прошло...
- Т-т-тооолько п-покрутил-л-ла, о-оно само!
- Эй... я не виню тебя...
- А-аа-а-аа!
- Лангри, посмотри на меня, пожалуйста, - сказал я решительным тоном.

Она отняла свое личико от моего живота и взглянула на меня, снизу вверх, заплаканными глазами, из которых текли смазанные ручейки светло-бордовых слез. Бедолажка. Я плавно встал на колени, чтобы ей не приходилось задирать голову, и переложил её руки себе на плечи.

- Ты не могла знать, что так случится. И если кого винить, так меня, что я не продумал все заранее, не подготовился как следует. Даже не починил кран, хотя и мог. Просто не придавал значения, недоглядел. Лангри, прости, что тебе пришлось так перепугаться, пожалуйста.

Вместо ответа она просто всхлипнула и обняла меня за шею, закрыв глаза.

- П-п-пап... я т-тебя тоже напугала.
- Конечно, такое приключение, да с утра пораньше...
- ... как те-еперь умываааться?
- Девочка, не принимай к сердцу. Вещи постоянно ломаются, и если бы не ты, то я сам сорвал его случайно. Это все равно бы случилось, понимаешь?

Кивок рогатой головенки, сопровождаемый щекоткой прядями антрацитовых волос. Я положил ладонь правой руки ей на затылок, пропустив сквозь них пальцы.

- И нет в этом ничего непоправимого. Все можно починить и поправить. Хочешь посмотреть, как и чем?

Кивок.

- Тогда поправим все вместе, ты и я. Только тебе нужно умыться и успокоиться. Давай сначала я тебе помогу, а потом и ты мне с краном...

Всхлипы прекратились, и моя подопечная перестала дрожать, лишь иногда прерывисто вдыхая влажный воздух. Я пересадил ее на бортик ванны, и, немного приоткрыв вентиль, наполнил ванну теплой водой, умыв Лангри, пока она рассеянно плескала ногами. Закончив, мы перешли в зал, где она сразу же укуталась в одеяло на диване, оставив снаружи лишь голову с почти высохшими волосами. Порывшись в потасканной сумке, где хранились инструменты для всех бытовых неурядиц, я вернулся в ванную и взялся за починку. Дверь за моей спиной приоткрылась, и в зеркале я заметил, как Лангри подсматривает, не решаясь зайти.

- Хватит стесняться, я же сказал, это не твоя вина. Заходи.
- Да я только мешаться буду, - ответила она, отводя глаза.
- Не думай так плохо о себе, Лангри, - сказал я, откладывая ключи, - просто посидишь рядом, помотришь, как все устроено, и в следующий раз сможешь справиться сама, или помочь кому-нибудь в самом деле. А еще ты хотела помочь, помнишь? Я не настаиваю, если тебе скучно или неинтересно...

Вместо ответа она просто вошла в комнату и встала рядом, поглядывая то на меня, то на смеситель. По лицу было видно, что она запомнит все до мельчайшей детали, лишь бы не показаться бесполезной обузой.

- Что же, ценю твое внимание, - молвил я в ответ с легкой улыбкой. - А теперь смотри и учись, как бы банально это не звучало. И не стесняйся спрашивать...

Оказалось, быть учителем действительно приятно, особенно когда у тебя есть прилежная ученица. Следующие два месяца пролетели в трудах и заботе о голодной до новых открытий дочери. Лангри с жадным интересом принимала любые знания и навыки, которые я ей предоставлял. С огнем в желтых глазах, она постигала азы устройства мира вокруг нее: как банальную технику безопасности и обращение с бытовыми устройствами, так и общий багаж знаний, свойственный любому начитанному семилетнему ребенку, даже с легкими вкраплениями прикладных наук. Этому способствовал тот приятный факт, что Лангри не забыла все то, что я ей рассказывал, пока она была личинкой. И хоть теперь для нее воспоминания о своём “гусеничестве” были подернуты летаргической дымкой, грамотная речь и словарный запас, накопленный за тот недолгий срок, несказанно облегчали мой труд.

Мне было очень неуютно оставлять дочь одну на целый день, но это был урок нам обоим: я старался работать, держа лицо перед клиентами, и не сжирать себя заживо терзаниями о том, что с Лангри может произойти нечто ужасное, а она, в свою очередь, осваивалась в нашей квартире и проводила часы в ожидании моего возвращения, разбавляя досуг самообразованием. Понимая, что я не смогу в полной мере удовлетворить ее жажду знаний лишь собственным опытом и старыми книгами, в первую же неделю я показал любознательной инопланетянке, как пользоваться моим стареньким планшетом и выходить в интернет. Пришлось потратить на обучение азам сетевой безопасности и настройку фаервола целую ночь, но зато теперь я был уверен, что Лангри не станет специально лезть в те уголки “паутины”, где ей еще рановато находиться. Впрочем, она и не выказывала к тому особого стремления, дав сверх того слово, что обязательно спросит меня, если найдет что-то страшное или непонятное. Я ни на минуту не сомневался в нерушимости этого обещания.

Гораздо больше проблем доставляло мое финансовое состояние. Сбережения почти истощились, и хотя из прожорливой “зергушки”, требующей ежедневной дани крупными порциями мяса и овощей, выкрутилась хрупкая девчонка, которая ела словно птичка, ей требовалась своя комната, которую было необходимо обставить подобающе, а также личные вещи. Конечно, она не чувствовала себя ущемленной, бегая по пустой квартире в моей рубашке, забавно мотая длинными рукавами, но все же однажды

сказала, что тоже хочет спать на полу, раз и мне приходится из-за нее. Отважно ворочаясь на плоской подстилке из простыней и пододеяльников, она уснула под утро, и я перенес упрямыцу на диван. В конце-концов был достигнут компромисс в виде купленной на барахолке раскладушки для моей привыкшей к жесткому ложу спине.

Близился конец августа. Даже распахнутые настежь окна лишь немного помогали бороться с вечерней духотой. Я и Лангри стояли на балконе, глядя на волнующееся море травы, покрывающей весь пустырь. В последнее время дочь часто выходила проветриться одна, допоздна засиживаясь на свежем воздухе, но сегодня я решил, что пора поделиться с ней соображениями о нашей дальнейшей жизни. И ее свободе.

Положив руки на раму, я смотрел, как уходящее солнце заливает поле апельсиновым светом. Лангри стояла рядом, на перевернутом тазу, вопросительно поглядывая на меня. Повисла неловкая тишина.

- Как день прошел? - начал я с самого, пожалуй, банального вопроса.
- Да так, здорово, - ответила Лангри, пытаясь звучать радостно, - прочитала новое о зверях. О козах, лошадях, кошках. А еще о соленоиде, который на спиральку похож, только не совсем поняла, зачем он нужен.
- Не знаю, какая связь может быть между козой и соленоидом, но рад, что ты проводишь время с пользой. Только ведь, - краткая пауза, - тебе уже приелось сидеть в четырех стенах и смотреть на мир из окна, верно?

В ответ был вздох. Глубокий, тяжелый, ничуть не наигранный.

- Я погулять хочу, - уже другим голосом и глуше ответила она, - самой кошку пощупать, а не читать, какая она пушистая и ласковая. Мне скучно уже, я почти все интересные сказки прочитала, и дома уже все пересмотрела, даже... даже хотела сама выйти, пока тебя не было.
- Что же... я в самом деле застрашал тебя, держа здесь безвылазно уже почти год. А почему все же не вышла? Замок открывается изнутри и без ключа.

Снова молчание, длинной в минуту. Лангри спустилась с тазика и села на него, потупив взгляд в пол. Немного поиграв с рукавами и поняв, что я жду ответа, она тихо сказала:

- Я вышла. Держалась за дверь и стояла за порогом. Там так пахло странно, и было очень холодно. А потом снизу загрохотало и... ну, я передумала.
- Испугалась.
- Угу...
- А еще ты могла бы захлопнуть дверь снаружи и ждать меня до вечера снаружи.
- ... ой.
- Еще какой "ой": несколько часов на голом камне, в холоде и темноте. Лангри?

Она сидела на тазу, поджав колени и положив на них подбородок.

- Скууууууучно, - протянула она, - только и делаю, что читаю весь день, одна. А ты каждый день уходишь, гуляешь сам, меня не берешь, почему?
- Эх, если бы я гулять ходил, - обронил я, присаживаясь на пол рядом с ней, - то обязательно взял тебя. Но я хожу гулять на работу. Как бы объяснить... тоже скучная вещь, я там даже не книжки читаю.
- А что же? - оживилась она.

- Стою или сижу за столом и принимаю просьбы людей, мелкие и одинаковые, но которые надо выполнить верно, иначе мне не дадут денег и я не смогу купить нам еды. Нервная работа, выматывающая: всем посетителям нужно уделить внимание, а вот им это делать не нужно. В общем, я тебя прекрасно понимаю, когда ты говоришь о скуке. Только я не могу лечь спать или выбирать, что мне делать, иначе меня прогонят с работы, вот и возвращаюсь уставшим.
- Понятно...
- Но знаешь, два дня в неделю можно не работать, так люди договорились между собой, чтобы совсем со скуки не свихнуться. У нас сегодня пятница, значит, завтра и послезавтра можем погулять вместе! Как тебе идея?

Вместо ответа Лангри просто подвинулась ближе вместе со своим эмалированным табуретом, положив голову мне на плечо. Солнце уронило последний луч на балкон, и вечерняя прохлада вступила в свои законные права.

На следующее утро дочурка вела себя удивительно тихо, но при этом взбудоражено, следуя за мной по пятам везде, где только можно. Желтоглазая мордашка высовывалась из-за двери, пока я готовил немудреный завтрак, подглядывая, но не решаясь заговорить. Понимая причину такого поведения, я жестом пригласил Лангри присесть рядом, пока чайник доходил до кипения.

- Знаю, что тебе неймется поскорее уже выбраться на волю, - сказал я, поглядывая на плиту, - и потому не хочу тебя мучить ожиданиями: на прогулку пойдем вечером.
- А почему? - в вопросе сквозило разочарование.
- Потому что отец у тебя беспечный раздолбай, и откладывал в долгий ящик очевидную проблему — у тебя нет одежды. По дому, конечно, можно бегать в чем угодно, но вот на улице, при других людях, так не принято. Увы.
- Почему? - разочарование сменилось любопытством.
- Хм, как бы получше объяснить... людям не нравится глядеть на незнакомых голых людей. По крайней мере, большинству и вне дома. К тому же, снаружи далеко не так комфортно, как здесь, тебе все равно нужна будет обувь и что-нибудь от солнечного света. Согласна?
- Наверное... а почему им не нравится? - похоже, Лангри вошла в раж.
- Что не нравится? А, голые люди... ну, потому что не каждый человек считается красивым в глазах других. И своим видом он может случайно испортить настроение другим гуляющим. Да и сам может считать себя некрасивым.
- Ооо... понятно... я, наверное... - девочка отвернулась и, сгорбившись, уставилась перед собой, явно переживая по поводу услышанного.
- Хей, я, наверное, слишком коряво выражаю мысль, - после недолгой паузы, обронил я в ответ, - но ты не некрасивая или что-нибудь в этом роде. И я не представляю, как такая обаяшка, как ты, может испортить настроение. Просто, хм, давай лучше покажу. Пойдем со мной, чайник еще не скоро закипит.

В прихожей мы встали перед зеркалом: рослый полноватый парень в серой пижаме и дымчатых очках, и черноволосая рогатая девочка, достающая ему едва ли до пояса. Легонько положив ей руки на плечи, под сень прямых блестящих прядей, я продолжил:

- Скажу прямо, Лангри, ты иная. Совершенно. И потому людям будет сложнее быть с тобой рядом. Твои рожки и цвет кожи будут постоянно привлекать внимание, раздражать взгляд, а людям, обычно, это неприятно. Хотя, не знаю...
- А я думала, что они у всех есть, - с этими словами она осторожно потерла виски рядом с основанием желто-оранжевых отростков.
- И что потом они отсохнут, да? Хех, у тебя действительно особый случай с этим. Скорее всего, когда ты подрастешь, они станут только крупнее, крепче и витиеватее. И знаешь что?

Лангри задрала голову, глядя на меня снизу вверх и заглядывая в глаза.

- Я не считаю это изъясном, которого стоит стыдиться и скрывать. Даже наоборот. Ты будешь всегда выделяться своей внешностью, и потому я хочу тебе сказать: нет ничего скверного в том, чтобы быть иной. Что бы незнакомцы ни говорили, это не повод стыдиться себя, и... ох, чайник вскипел! Погоди, я сейчас вернусь!

Сбегав на кухню и убрав пламя, я застал дочь перед зеркалом, изучающую свое отражение, будто впервые. Она оттягивала веко, разглядывая желтую склеру глаза, ощупывала аккуратное ушко без мочки, поглаживала завитые рожки, заправляя за них блестящие прямые волосы. Заметив мое отражение, она прекратила задумчиво трогать кончик слегка вздернутого носа и негромко спросила:

- Паап? А почему тогда я не похожа на других? И на тебя даже?
- Потому что... ох, я, честно, - мямлил я, пытаюсь подыскать нужные, но мягкие слова, - даже не знаю, как тебе сказать. Это очень долгая и красивая история, но если я начну рассказывать сейчас, то это займет целый день и мы никуда не успеем. Но, - добавил я, заметив, как переменялось лицо Лангри, - если ты немного потерпишь, пока я схожу в магазин за твоей одеждой, то, вернувшись, я все расскажу. И даже во время прогулки нам будет что обсудить. Как тебе?
- Ты правда все расскажешь? - в вопросе слышалась нотка недоверия.
- Конечно. Понимаю, что слишком долго кормлю тебя обещаниями, но я не смогу спать спокойно, если обману твои надежды. Так что, пожалуйста, потерпи еще пару часов, и когда я вернусь, то ты получишь ответы на многие вопросы. А пока, пожалуйста, посиди у себя в комнате, мне надо переодеться...
- Стыдишься себя? - белозубая улыбка, обрамленная черными губами.
- ... вот козюля, уела. Да, немного. А теперь марш в комнату, - усмехнулся я вслед бегущей вприпрыжку к себе маленькой бестии.
